

Но наиболее явные признаки связи этого явления со статьей Тредиаковского прослеживаются в монологе Архисотолаша в ответ на реплику Кимара, в которой последний разоблачает псевдоживописца. В речи слуги и следовавшем за нею ответе Архисотолаша Сумароков дает превосходные образцы того шутовского юмора, который составлял принадлежность стипля ярмарочных гаеров в балаганных народных театрах той поры, искусно вплетая туда скрытые намеки в адрес своего противника. Начиная Кимар: «Партестую вам всем, Господа, Судари, Братцы, Товарищи, Мудрецы, Молотцы и вся Поленица удалая, што этот Ярьерьюс Кривобаев не прямой Мараль, да Псетоуспус Мараль, как то ясно по его басням: потому што, ох! для того што, нет! затем што, тьфу! тьфу, тьфу, тьфу! панеже вот так-то с висока попка нада по щогольские! панеже для того, што он называет пяльцами рамы».¹⁹

В этой, полной ерничества тираде слуги не только низводится авторитет полчного публичного маляра, берущегося намалевать Гименя, но в конце обыгрывается одно из любимых словечек Тредиаковского, несколько раз встречающееся в его статье: «панеже». Не исключено, впрочем, что обликом «Псетоуспуса Маралья», т. е. псевдоживописца, и всего, что связано с ним в причинешном явлении, Сумароков намекал не только на Тредиаковского, но и придавал образу гаерствующего маляра некоторые черты личности покровителя и наставника бедного профессора элоквенции в этом деле, а именно академического ассессора Г. И. Теплова. Основания для подобной гипотезы, учитывая специфику комедийных приемов осмеяния и невозможность со стороны Сумарокова допустить слишком явные намеки по адресу Теплова, чье влияние в Академии наук тех лет было безграничным, могут носить в основном косвенный характер, но они есть. Прежде всего, приращение новому комическому персонажу амплу публичного живописца, малюющего на рынках «картины-говоруньи», наводит на мысль о связи прототипа данного образа с занятиями живописью. Применительно к Тредиаковскому допущение такой связи в прямом смысле вряд ли возможно, разве что если соотносить с малеванием свадебного Гименя осуществленный критиком перевод «Езды на остров любви». Но это будет связь на уровне метафоры. Что же касается Г. И. Теплова, то этот разносторонне образованный и несомненно талантливый человек не чужд был интереса к разным искусствам — музыке, живописи. Кстати, именно ему принадлежало сочинение в 1747 г. «Регламента имп. Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге», в котором наряду с рассмотрением порядка деятельности Академии в области научных разысканий устанавливались и меры по стимулированию в рамках Академии деятельности художников — живописцев, скульпторов, архитекторов.

Бросается в глаза в образе Архисотолаша и еще одна черта — шутовское подчеркивание им своего знания светского обращения

¹⁹ Там же.